

— Но ты же поклялась никогда не надевать его больше!

— Я дала свое обещание в ответ на ваше: с меня обещали снять цепи; меня обещали перевести в женскую тюрьму. Здесь же, находясь среди мужчин, я чувствую себя лучше в мужской одежде.

Все было логично. Епископ решил не вдаваться в детали, тем более что оправдать свой обман он все равно не мог, а подробности угрожали ненужными разоблачениями.

Он подошел к делу с другой стороны.

— Жанна, слышала ли ты после четверга голоса?

В четверг происходило «отречение». Поскольку «еретичка» подчинилась церкви, она должна была отказаться от своих видений и голосов. Жанна понимала это. Однако она смело ответила:

— Да, я слышала голоса.

— О чем они тебе говорили?

Жанна встала с постели. Ее глаза были сухими.

— Они сказали мне: господь сожалеет, что я ради спасения жизни поддалась уговорам и проявила слабость. Они сказали мне, что, спасая жизнь, я изменила богу и бог отвернулся от меня. Они сказали мне, что тогда, на эшафоте, я должна была смело отвечать проповеднику — ведь это был обманщик, и то, в чем он меня упрекал, было ложью.

Так говорила Жанна, громко и уверенно...

Епископ слушал ее, не перебивая.

Клерк, строчивший протокол, записал на полях листа: «*Responsio mortifera*», что значило: «Ответ, ведущий к смерти».

И правда, теперь не оставалось сомнений. Жанна «спова впала в ересь», а следовательно, ее могла ожидать только смерть.

Во вторник, 29 мая, судьи и ассистенты собрались в архиепископской церкви. После короткой дискуссии было принято решение:

«...передать осужденную в руки светских властей,